

УДК80

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «КАНОНИЧНОГО»
ЖИТИЯ НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ МУЧЕНИКОВ БОРИСА И
ГЛЕБА ИЗ СИЛЬВЕСТРОВСКОГО СБОРНИКА XIV ВЕКА**

Алексей Владимирович Хвостунков

магистрант

ier.alexey14@gmail.com

Тамбовская духовная семинария

г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются композиционно-стилистические особенности древнерусской агиографической литературы, соответствующей «каноничному» шаблону этого жанра. Для анализа выбрано «Чтение о житии, о погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба» под авторством Нестора Летописца из Сильвестровского сборника XIV века. В статье выявлено наличие двух сюжетных линий, которые в некоторых частях развиваются параллельно, а в некоторых переплетаются в общую линию повествования. Автор обращает внимание на феномен житийного канона, который играл ключевую роль при составлении агиографических произведений в древнерусской литературе.

В результате исследования выделены и охарактеризованы примеры использования средневековым автором интертекстуальности.

Ключевые слова: жития святых, агиографический канон, топос, интертекстуальность, мученичество, композиция.

В 10 – 11 веках в территориальных границах Киевской Руси, в качестве разговорного и письменного языка утвердился старославянский язык, который сыграл фундаментальную роль в становлении государственности и вопроса культурной и религиозной самоидентификации славянских народов.

Как показывают исторические открытия, в эпоху русского средневековья письменность была не только уделом избранных слоев населения, но стала поистине народным достоянием и активно использовалась в среде ремесленников и торговцев, а также в обиходе простых людей. [1].

Массовая христианизация восточных славян дала начало возникновению церковнославянского языка – языка христианских богослужебных текстов, переводов книг Священного Писания и другой церковной литературы. Однако владеть разговорным языком и писать на нем – не одно и то же. Таким образом в едином общественном сознании древних славян параллельно сформировались два языка: исключительно книжный – церковнославянский и бытовой разговорно-письменный – старославянский. В виду преобладания значимости книжного языка над разговорным особую роль в распространении книжностисыграли профессиональные переписчики и летописцы, которые по примеру зарубежных переведенных и переписанных текстов создавали самобытные славянские литературные произведения.

В средневековье светская беллетристика на Руси была распространена не так сильно, как церковная агиография, произведения которой чаще всего создавались в монастырях, где всегда были обученные грамоте летописцы и агиографы. С течением времени монастырские патерики и отдельные житийные произведения стали объединяться в агиографические сборники. Одним из примеров тому является «Сильвестровский сборник», относящийся к второй половине XIV века. Данный литературный памятник содержит более десятка древнерусских произведений, в числе которых «Чтение о житии, о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», автором которого является насельник Киево-Печерского монастыря Нестор Летописец. О его авторстве читатель узнает из самого текста жития, где агиограф называет

себя «се азъНестер грешный» [2]. Преподобный известен в истории и другими важными сочинениями. Опыт монастырского летописца, переписчика и составителя житийных текстов Киево-Печерского отечника дает Нестору авторитет заслуженного агиографа. Поэтому «Чтение о Борисе и Глебе», по мнению исследователей древнерусской литературы, относится к наиболее каноничному варианту жизнеописания первых православных святых на Руси.

Для определения каноничности указанного варианта жития рассмотрим наличие в нем характерных агиографическому канону композиционных составляющих. Во вступлении присутствуют характерные для канона топосы, например, обращение агиографа с молитвой к Богу перед началом повествования. В прологе автор кратко описывает историю христианства и плавно переходит к характеристике конкретной исторической эпохи, в которую происходят основные события жития. Молитва составителя перетекает в сетование о том, что до сих пор не угасли в мире языческие верования, что некоторые народы «праздни быша, служаще идолам, а не Богу», но Господь даровал им свет Православной веры [2]. В житии Нестор Летописец напрямую указывает, что религиозное просвещение и христианизация Киевской Руси началась с правления святого великого князя Владимира, используя при этом интертекстуальность в качестве художественного приема. Нестор целенаправленно подводит вступительную часть к тому, что князь Владимир при крещении Руси выполнил миссию, равную служению святых апостолов, «сказав всем креститься, и ни один из идущих ко крещению не противился, но приходил радуясь»[2].

Предисловие в классическом житии – важная часть для создания необходимого «клише», поэтому оно имеет у Нестора Летописца достаточно большой объем и глубокий смысл. Советский филолог, литературовед, исследователь средневековой восточнославянской литературы И.П. Ерёмин отмечал, что преподобной Нестор в своих агиографических трудах стремился неукоснительно следовать каноничному шаблону, поэтому его вступления обширны и в них «есть все, чего требовал устав» [3].

Основная часть жития традиционно начинается с описания благочестивого детства обоих братьев. Изначально художественный образ святых стал формироваться как сдвоенный, основываясь на равном мученическом подвиге святых Нестор и в рассказе о ранних годах Бориса и Глеба приписывал им одинаковые добродетели и совместность действий. Эта двоичность и параллелизм прослеживается на протяжении всего жития. Например, один из фрагментов посвящен принятию братьями крещения и началу христианского пути. Борис при крещении стал именоваться Романом, согласно чудесному явлению во сне и повелению Божией Матери и наитию Святого Духа. Описание именнаяречения Глеба Давидом идет в повествовании следом, в подтверждение избранничества брата агиограф вновь использует прием интертекстуальности, сравнивая Глеба–Давида с ветхозаветным пророком Давидом, который будучи юным победил Голиафа и неприятельское войско, тем самым уберег от завоевания свой народ, так и Глеб своим мученичеством «отнял поношение от сынов русских»[2].

В тексте описываются важные события из жизни братьев, в которых невозможно найти соответствия по объективным причинам, например женитьба Бориса, его поставление на княжеский престол во Владимире, и военный поход, в котором он находился во время смерти своего отца. Во время захвата Святополком Киева Нестор Летописец повествует о противоположных действиях и эмоциональной реакции братьев. Младший, Глеб, испугавшись Святополка покидает Киев на корабле. Борис же, наоборот, бесстрашно отправляется в Киев, ободренный унаследованием престола старшим братом. Не смотря на различия в реакции святых на вокняжение Святополка в повествовании прослеживается похожий мотив движения, нахождения братьев в пути.

Самой важной частью этого жития безусловно является фрагмент, повествующий о насильственной гибели братьев. Он изложен в хронологическом порядке и соответствует исторической действительности. Нестор Летописец последовательно описывает трагические

события, связанные со смертью святой «двоицы», разделяя повествование на две сюжетные линии в соответствии с реальными историческими событиями. В каждой отдельной линии агиографом описывается определенная ситуация и сопутствующие ей индивидуальные элементы поведения Бориса и Глеба. Однако, несмотря на существующие частные различия в тексте определенно заложены параллельные композиционные детали, построенные на однотипных компонентах, таких как:

– Известие о намерении Святополка погубить братьев.

– Отказ от сопротивления. Здесь Нестор делает акцент на христианском послушании и отсутствии намерения мучеников противостоять старшему брату: «аз мний есмь, не противен есмь брату своему старейшому» – говорит Борис [2].

– Роспуск дружины, попытка деэскалации конфликта.

– Предсмертная молитва ко Господу. Принятие мученической кончины. Здесь снова прослеживается интертекстуальность, Святополк сопоставляется Нестором с библейским образом братоубийцы Каина: «видите ли, братие, немилосердие окаянного, видите ли вторагонемилосердия Каина явльшеся» [2]. В угоду шаблону классического агиографического сюжета Нестор предпринял попытку использовать тоpos прения с мучителем, и, хотя в сюжете отсутствуют прямые диалоги Святополка и святых братьев, автор добавил фрагмент о том, как Борис послал своего охранника к братоубийце для переговоров [4].

Окончательное смысловое объединение судеб князей страстотерпцев Бориса и Глеба происходит в заключительной части жития. Здесь преподобный Нестор также следует правилам канона и пишет пространное заключение с описанием погребения; обретения нетленных останков Глеба и перенесения их в Вышгород, где уже был похоронен Борис; посмертных чудес святых и похвального слова в честь мучеников. Во всех этих фрагментах прослеживается концептуальная нераздельность почитания братьев как «святой двоицы» [4].

Таким образом, нам удалось проанализировать некоторые особенности композиционного построения жития первых русских святых на примере «Чтения о Борисе и Глебе», одного из известнейших памятников древнерусской агиографии. Было установлено, что такой авторитетный летописец как Нестор Киево-Печерский при составлении житий неуклонно действовал в рамках установленной традиции, которая пришла на Русь из Византии. Следование уставу агиографического канона прослеживается на протяжении всего повествования, автор несомненно использовал образцы, существовавшие в переводной агиографии. При этом Нестор множество раз использует прием интертекстуальности во всех частях жития, что характерно для сюжета классического канона. Интертекстуальность в данном случае выражается как отношение соприсутствия между несколькими текстами разных эпох и культур, но в рамках одного религиозного сознания[5]. Агиограф тем самым целенаправленно устанавливает связь между религиозным почитанием святых Бориса и Глеба и авторитетом Священного Писания, а также концепцией мученичества в Православной Церкви.

Список литературы:

1. Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины // Учебник для вузов. М. 2003. С. 35.
2. Нестор Летописец. Чтение о житии, о погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба // Лицевой (иллюстрированный) список в составе «Сильвестровского сборника». Ф. 381. Рукописный отдел Московской Синодальной типографии. Оп. 1. Д. 53. Л. 89–153 об. URL:<https://raritety.rusarchives.ru/node/1214> (дата обращения: 15.04.2022).
3. Еремин И.П. Литература древней Руси // АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Ленинград. 1966. С. 29.
4. Пименова Н.И. Специфика сюжетно-композиционного строения житий «парных» святых (на примере сочинений борисо-глебского цикла) [Статья] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Журнал.2019. №2 (83). С. 144-145.
5. Петрова Н.В., Кулакова О.К. Различные подходы к определению интертекстуальности [Статья] //Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Журнал. 2011. № 2 (14). С. 132.

UDC 80

COMPOSITIONAL FEATURES OF THE "CANONICAL" LIFE ON THE EXAMPLE OF THE LIFE OF THE MARTYRS BORIS AND GLEB FROM THE SYLVESTER COLLECTION OF THE XIV CENTURY

Alexey V.Khvostunkov

Master's student

ier.alexey14@gmail.com

Tambov Theological Seminary

Tambov, Russia

Annotation. The article examines the compositional and stylistic features of the Old Russian hagiographic literature corresponding to the "canonical" template of this genre. For the analysis, we selected "Reading about the life, about the destruction of the blessed passion-bearers Boris and Gleb" under the authorship of Nestor the Chronicler from the Sylvester collection of the XIV century. The article reveals the presence of two storylines, which in some parts develop in parallel, and in some intertwine into a common narrative line. The author draws attention to the phenomenon of the hagiographic canon, which played a key role in the compilation of hagiographic works in ancient Russian literature. As a result of the research, examples of the use of intertextuality by the medieval author are identified and characterized.

Keywords: lives of saints; hagiographic canon; topos; intertextuality; martyrdom; composition.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.